

УДК 1(091):130.2

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.2.087

АНТРОПОЛОГИЯ НОМО URBANUS

В.В. Ильин¹, А.В. Шимко²

¹ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана», г. Калуга

²ФГБОУ ВО «Государственный университет просвещения», г. Мытищи

Город как грандиозный артефакт всецело, полномасштабно редактируя самопроявления сапиента, создает специфическую внутривидовую модификацию homo. Последняя атрибутируется признаковой определенностью:

– абиотическая среда обитания – планомерная переработка естественного рельефа – девственных территорий, акваторий (сокращение, ликвидация площадей парков, прудов, природных ландшафтов, рекреационных, заповедных зон);

– социокультурный (неинстинктивные атрибуты общения) сбалансированный, адаптированный к массовой коммуникации этос (ритуал, право, мораль, традиция), купирующий многочисленные врожденные реакции (проявления агрессии в борьбе за лидерство, собственное благополучие и т. д.);

– насыщенность, спрессованность, вариативность экзистенциальных точек-событий, темпа самореализации на грани физических возможностей.

Антропологическая проекция указанных особенностей существования в городе – антиномичность жизнеподдерживающих программ в створе уравновешения онтогенетически задаваемых крайностей «эгоизм-альтруизм».

Ключевые слова: человек городской, антропная топология, экзистенциальная самореализация homo urbanus.

Как существо, интенсивно взаимодействующее с себе подобными в созидании специфической территориально-поселенческой формации homo urbanus, с одной стороны, производит, а с другой стороны – потребляет свой творческий продукт, volens-nolens вырабатывает рефлексивное отношение к собственной деятельности.

Социальные моменты данного отношения абсорбируются социологией, экзистенциальные его моменты – антропологией города, развертывающей панораму персонального представления реализуемого вовлечения и участия в емком диапазоне «приятие – неприятие» публичной – приватной среды обитания.

© Ильин В.В., Шимко А.В., 2024

Поскольку множество охватываемых заданных на контрастной основе указанным диапазоном возможностей исчерпывающе, оценка крайних его составляющих подводит к полному и адекватному понятию происходящего. Итак, предельные точки подлежащего осмыслению интервала, вмещающего богатство витальных городских заявлений самости, суть «самообретение» – «самоутрата». Присмотримся к ним по возможности тщательнее.

Самообретение. Полнота персональной креативной самореализации личности, ищущей и находящей в городских условиях наиболее емкие, инспирирующие предпосылки собственного экзистенциального роста. Последние обеспечиваются стандартными инновационными функциями урбанизма (в отличие от рурализма), в кругу которых экспоненциально наращающееся множество социальных (управление – исполнение); культурных (замысел – воплощение); образовательных (обучение – применение); профессиональных (вера – исповедание); идеологических (апология – технология); интерактивных (общение – приобщение); информационных (программирование – пользование); ценностных (исходные инспирации – ответные экспектации) и т. д. ролей.

Генеральная функция города – создание возможностей максимального обслуживания, удовлетворения потребностей, запросов всех и каждого, встроенного в городской контур витальности.

Свою генеральную функцию город выполняет через основополагающий автономный проект «человек в городе, город в человеке». Так как диспозиции такого рода модифицируются в зависимости от исторических случайностей (как говорил Маркс, – лиц и условий), дифференцирующих конкретное призвание тех или иных единиц урбанистики (столичные – периферийные; большие – малые; поли-, монопрофилированные и т. д.), для положительного движения в теме примем некую абстрактную модель средневзвешенного города, в онтологическом и антропологическом отношении отвечающего всем ожиданиям (в более строгом языке – оказывающуюся средним значением распределения некоторой случайной величины, резюмируемым законом больших чисел).

Идеально – город обслуживает социализацию, разумея вписание личности (в отличие от человека и индивида) в круг социальных связей с приданием ей общественных статусов – конкретных местоположений в «роевом» целом. Указанное обслуживание разбивается на периоды (возрастные фазисы) – от ювенильной до пенсионной стадии, где городская среда осуществляет налаживание жизненных процессов, обобщаемых аккумуляцией (абсолютность включения в вовлечение и участие) и индивидуацией (относительность исключения из вовлечения и участия) [11, с. 139–145].

Конкретизируя роль города, динамизирующего стандартные, но минимизируемые сельским образом жизни явления подобного рода, укажем по части

– аккумуляции (воспитание, обучение, приобщение к культуре) – на а) разветвленную сеть учреждений дошкольной, школьной, вузовской,

поствузовской, профессиональной подготовки и переподготовки, институциональных и неинституциональных форм приобретения знаний – умений – навыков; б) количественно и качественно несопоставимое с предоставляемым селом многообразием ролевых позиций, полиморфизм занятости, диверсифицированность услуг;

– индивидуации (неравнообразность «Я»-образов социально равноправных лиц) – на мощность потенциала города (его материально-технической, духовной базы) удовлетворять самые изысканные требования людей, потребности самосовершенствования, заявления самости.

Солидарно одно и другое легализует капитальную ценность современного глобального мира – беспрецедентную мобильность, вписывающую личность в сетку горизонтальных (перемещение по векторам равноправного соположения) и вертикальных (перемещение по иерархически восходящим векторам) движений. Последнее, очевидно, контрастирует с «инертным» проживанием в фиксированном месте, характерным для деревенского образа жизни [20, с. 108].

Самоутрата. Не классическая форма отчуждения, описываемая противостоянием деятельности (ее результатов) непосредственному источнику, исполнителю, носителю, но сковывание самодеятельности, недостижимость самоотдачи. Генерал-бас такой интерпретации – возможности человека в зависимости от реальных обстоятельств и изменение обстоятельств, расширяющих человеческие возможности.

Поскольку согласование одного с другим не отвечает канону *harmonia prestatilitada*, неизбежен люфт между проектом и его воплощением, создающий питательную почву неудовлетворенности достигнутым. Человек как «никогда не завершаемый имперфект» (Сартр), перекрывая наличное и не достигая чаемого, попадает в непростую ситуацию раздосадования, усугубляемую деструктивными экзистенциальными эффектами апатичности, анемичности, равнодушиности, отчаянности, растерянности и др.

Рурализм в таких случаях экипирует человека реабилитирующей программой самососредоточения: переоценкой «громадьа планов» в одиночестве, припаданием к истокам – тесным общением с «первой» природой, самоуглублением, венчающимся упоительным достижением самоуспокоения.

Не такова реабилитирующая реакция города. Под идентифицируемый персональный кризис, судьбический провал город подводит наращивание социально удостоверяемого витального потенциала. Он пролифицирует объективные факторы снятия, предотвращения разрушительных эффектов стагнации, депрессии на онтологическом уровне; деградации, дисфункции на антропологическом уровне. Разбаланс жизненного процесса выправляется серией saniрующих инициатив в ареалах

– «объектность»: при кризисе производства (моногорода, индустриальные кластеры – Детройт); демилитаризации (военные городки, базы);

концентраты мигрантов, нелегалов, маргиналов – перепрофилирование занятости, диверсификация функций, отселение, компенсации, ужесточение правил предоставления убежища, гражданства;

– «субъектность»: при смене жизненного амплуа (пенсионеры, студенты) – компактное расселение с беспрепятственной активизацией полезных контактов (возрастные коммун в городах ГДР, учебные кампусы при центральных университетах); при смене места жительства – рациональное районирование, доступность благ, обеспечения, обслуживания, оптимальность снабжения, логистики и др.

Сверхзадача данных мероприятий – ликвидировать препятствия персонального прогресса, предотвращать причины деградации личности, оказывать ей адресную поддержку при возникновении жизненных неурядиц.

Компактный образ внутренне связной, в себе организованной среды обитания, разрешающей витальные заботы homo urbanus, оправдывает введение, разработку полезного концепта «антропная топология городского пространства». Уточняя нужное нам в базовой фигуре, отметим следующее.

Топология комбинирует качественным представлением непрерывного многообразия, не допускающего разрывов, разломов, дискретизации (квантования); топологическое замкнутое множество включает все релевантные (находящиеся в соприкосновении, близости, входящие в окрестность выделенных) точки.

Антропология комбинирует представлением экзистенциального ценностного многообразия, точки которого манифестируют его человеческое «внутреннее богатство» [13, с. 8].

Антропная топология выстраивается вокруг центростремительной истории выразить реальность сущностью «собственной жизни» [8, с. 26], индивидуальной ее проекции. Предметообразующей силой такого мировидения оказывается синергичное очеловечение сущего – ценность мира удостоверяется его человеческой ценностью, фиксируемой специфическим познавательным арсеналом, приноровленным к репрезентации, реконструкции антропоемких локусов – хронотопов.

Радикализируемая «гуманитарная питанность», «экзистенциальная напряженность» пространственных интервалов модифицирует их бытийственный статус: с топологической точки зрения антропное пространство неоднородно, неизотропно: точки его сущностно выделены, направления перемещения в нем неравноправны. Отсюда – эпистемологические особенности антропоемких сценографий реальности, выступающих порождениями «участливого сознания» [13, с. 41–42].

Антропная топология как базисная схема освоения, фиксации событий городской жизни вводит символические приемы олицетворения, одухотворения, гипостазирования: наделяемый субъектностью город предстает носителем особой морфологии с ярко выраженными антропоморфными качествами, какие воспеваются, проклинаяются, обесцениваются. Аналитиче-

ский аппарат урбанистики, не снижая планки научности (как в казусе откровенно аниматистских шпенглеровских моделей культуры), обретает чувствительность к заявлениям человеческого начала: от родительского дома, где рос, до погоста, куда сопровождал близких, – все становится памятным, – «своим», вовлеченным в границы актуального опыта, в круг самодеятельности «Я».

Взять классические одухотворения городской среды Маяковского («Адище города»), Мандельштама («Ленинград»), – в них используются топологические средства задания

– антропной онтологии:

Адище города окна разбили
на крохотные, сосущие светами адки.

...

А там, под вывеской, где ...
сбитый старикашка ...

...

В дырах небоскребов, где ...

(Маяковский)

По соответственной топологической привязке развертывается экзистенциальная сценография;

– антропной морфологии:

Я вернулся в мой город, знакомый до слез,
до прожилок, до детских припухлых желез.

...

Петербург! У меня еще есть адреса,
по которым найду мертвецов голоса.

...

(Мандельштам)

По сходной же схеме осуществляется символическая квалификация точек-событий.

Образчик художественного освоения экзистенциально емкого городского антропомногообразия дает Гоголь, образно осмысливая реакцию героя на призывный взгляд очаровательной кокетки в интерьере случайной уличной встречи: «... дыхание занялось в его груди, все в нем обратилось в неопределенный трепет, все чувства ... горели ... все перед ним окинулось каким-то туманом. Тротуар неся под ним, кареты со скачущими лошадьми казались недвижимы, мост растягивался и ломался на своей арке, дом стоял крышею вниз, будка валилась к нему навстречу ... алебарда часового вместе с золотыми словами вывески и нарисованными ножницами блестела, казалось, на самой реснице глаз. И все это произвел один взгляд, один поворот хорошенькой головки» [5, с. 17–18].

Один поворот смазливой головки в пейзаже мимолежной мелодрамы и ... как говорил Бродский, полная «Свобода от целого: апофеоз частиц» [1, с. 495].

Социальная коннотация антропопространства городской среды – зонирование, дифференцировка местожительства по учету «первичных» человеческих качеств. Сказанное позволяет не согласиться со странным тезисом Рамоне о стандартизирующем единообразии городского существования [19]. Напротив, изначально город обслуживает богатство экзистенциальных воплощений. Достаточно принять во внимание диверсифицированность внутреннего плана, архитектоники градооформления в разных хронотопах.

Центральная – периферийная полосы: четкие границы публичных – частных объективаций (работа – досуг). В одной – институты, учреждения, официальные резиденции, площадки массовых мероприятий с утрированием символических статусов общественных мест: в античности – агора, Пантеон; в средневековье – храм, собор, замок; в Новое время – ратуша, театр; в Новейшее время – биржа, банк. С учетом специализации городов – набережная, порт, кампус, ремесленный квартал, завод, комбинат, университет. В другой – бытовые, досуговые, контактные, рекреационные заведения с утрированием функционального статуса социальных локусов: во все времена – вокзалы, базары, пассажи, мегамоллы, торговые центры, супер- и гипермаркеты, мелкий – крупный опт.

Исходно город являет средовое разнообразие, признаковую многоликость, чувствительность к массовому потреблению «пространственных мест», обнаруживаемому в характерных архетипах

– композиции: радиально-кольцевая (Москва); параллельно-меридиальная (Нью-Йорк); квадратно-гнездовая (Набережные Челны) структура;

– локализации: точечная – типовая застройка (Chelsy, Рублевка) – фешенебельные кварталы с новым огораживанием особняков – элитное жилье с подчеркнутым поддержанием уровня комфорта, порядка, безопасности; спальные районы; трущобы – сосредоточения субъектов маятниковой рабочей миграции, мигрантов, маргиналов;

– логистика: транспортные артерии, городские перевозки с новаций Паскаля, предложившего отдельные каретные маршруты, до развитой сети внутри- и межгородских автомобильных, железнодорожных, авиационных сообщений;

– безопасности: места массового скопления людей – места повышенной опасности – потенциальные мишени террористических атак (трагедия 22.03.24 «Крокус Сити Холла»);

– занятости: от подвоза резидентов к местам службы до поддержания их профессиональных и витальных кондиций; от завоза до обустройства и утилизации трудового и бытового потенциала нерезидентов.

Город – колоссальный артефакт, спрессовывающий не только пространство, но и время. В отличие от деревни, в городе всегда – дефицит времени. Объяснение в том, что город (переименованная Кастилья) [22, с. 386] – не только место, но и процесс, и более того – быстрый, энергичный темп жизнеток. Город – специфическая хронометрическая реальность со своим

строем существования, основанным на разнообразии способов самозаявления, средств удовлетворения самых причудливых потребностей.

Диверсификация экзистенциальных программ, обилие возможностей городской жизни, рождающие потребность успеть «во всем, везде», – именно они порождают индивидуальную насыщенность, уплотненность городской темпоральности. Такова причина убыстрения временного тока в субъективном отношении. В отношении объективном причина его (времени) убыстрения – цивилизационная многоосновность города, концентрирующего завоевания мировой культуры в достоянии музеев, библиотек, театров, университетов, собственной архитектуры.

Город – концентрат плодов человеческого прогресса, подключающий к ним жителей. «За культурой – в город» – императив стремящихся к полноте самореализации сапиентов, включающихся в аккультурацию и по способу потребления культурных потоков, и по способу жизни. Город – живое предание, пакующее напластования исторических слоев, вместилище, толща свидетельств значимого прошлого, которое воспевается, о котором складываются легенды. Таковы Афины, Иерусалим, Рим, Мекка – любой древний и современный вызывающий своей предысторией высокие чувства город.

По поводу «современного» подчеркнем «предысторию». Ряд городов, воздвигавшихся на пустом месте в качестве *tabula rasa* (Новокузнецк, Комсомольск-на-Амуре, Тында, Бразилиа) и не имевших укоренения в прошлое, не то чтобы не оправдали возлагавшихся на них проектировщиками надежд, но точно – не стали центрами экзистенциального притяжения городами-садами (как мечтал со всеми романтиками-большевиками Маяковский). Это потому, что справедливый, расчисленный, рационально спланированный, как виделось футурологам того времени (и всех времен), мир не создается как будущая формация-резервация без прошлого. В городах будущего (лишенных корней в предыстории) жить неуютно (из новой столицы Бразилии горожане в массе отъехали). Последнее показали опыты провидцев грядущего

– Нового времени: Мора, Бэкона, Кампанеллы, конструировавших искусственный мирочейник образцового вневременного порядка с казарменным деиндивидуализирующим упрощенчеством и уравнильством [2; 17; 18];

– наших соотечественников: сатирика-реалиста Салтыкова-Щедрина (История города Глупова), лиро-эпического сатирика Платонова (История города Градова), продемонстрировавших плачевные итоги преодоления «наличных (непотребных) реалий», производимых в мечте, вызывавшей не только «бумажную трескотню, канцелярский зуд «радостных посулов», но и вполне осязаемые, грубые, зримые мертворождающие инициативы: жестокость, животность, зло, беззаконие, инстинкт разрушения, налаживание утробного существования» [9, с. 63]. Иными словами – противожизненность.

Жизнь не выстраивается в пустыне в беспредпосылочном беспрошлом; прошлое – запасник и заказник здравомысленности – основательности устроительных починов. Пренебрежение сказанным фатально: «В городе Глупове замышляли (или могли замышлять) повороты рек [Что уже не в имитационной, а в практической модальности выполняли в НИИ Водных проблем АН СССР под занавес опыта социализма. – авт.] ... В городе Градове замышляли (или могли замышлять) рытье котлована» [9, с. 64]. Финал разоблачителен: как у Ильфа и Петрова: строили клуб, да забыли малость – отхожее место; что же такое храм культуры без сортира?.. Вопрос, как может показаться, не столь риторический. Довольно вспомнить возведение новых городов без явной, ясной программы утилизации отходов (Набережные Челны), очистных сооружений (правобережье Калуги).

Комсомольск-на-Амуре именуют платоновским Чевенгуром: городом-котлованом, ярко сияющим переливами ускользнувшего времени [3].

Эффект остановившегося («ставшего», по удачному выражению В.Г. Бенедиктова) времени отличает существование малых провинциальных городов (вспомнить Твардовского: в космос мы уже проникли, а вот проникнем ли когда-нибудь в Калугу?.. и это – каких-нибудь 200 верст от первопрестольной!). Периферию как сущностный нестоличный уклад жизни характеризует бытовая, культурная, информационная, социальная, политическая несамодостаточность (не хочется говорить «отсталость», «ограниченность», «недоразвитость»), проистекающая от подчиненности неким иным центрам принятия решений. Откуда – осмотрительность, повадливость, безынициативность жителей, исповедующих кредо «как бы чего не вышло», «почины наказуемы» и самореализующихся в режиме «исполнения».

Эссенциальная подкладка всех приступов к какому-нибудь серьезному делу покрывается плоскостью «местечковость» – практика «малых дел», «мышья беготня» (Пушкин) – вроде: разбить сквер, отремонтировать здание, провести соревнование, обновить транспортный парк ... и все это – с благословения, при моральной и материальной поддержке сердобольных вышестоящих или шефских инстанций.

Внешнее центральное управление – внутреннее местное самоуправление: судьба, благоденствие периферийных населенных пунктов во многом (едва не во всем) зависит от снятия данной альтернативы. Наши симпатии – на стороне более чувствительного регионализма, создающего объективные предпосылки развязывания демократической активности снизу без обременительного попечительства, покровительства центра.

В настоящий момент компенсация несамодостаточности малых провинциальных городских поселений производится генерацией мифологем, легендарных символических иллюзий их притягательности (проекты типологичной схемы «Нью-Васюки», объявляющие те или иные местожительства «центрами мира», «пупами земли», систематизированы Г.В. Горновой, к работам которой мы и отсылаем [7]).

Избегая местечковых самовозвеличений, уместно сказать: во все, всякие времена российская провинция играла роль стержня нации. Именно она обеспечивала рост национального «тела» (демография), возвращала таланты (Ломоносов, Кулибин, Ползунов), поставляла жен русских царей, спасала отечество (народная эпопея периода Смуты), ковала победу русского оружия (подвиг трудового фронта Великой Отечественной). В текущий момент актуализируется насущнейшая задача вдохнуть новые силы в нашу провинцию, придать живительный импульс развитию малонаселенных пунктов, центров.

Современное величие России должно прирастать не Сибирью, но периферией, где каждому живущему предоставится полноценная, комфортная, достойная линия проживания.

Определенный положительный опыт в отношении сказанного являют почины Маленкова, в конце сороковых – начале пятидесятых в бытность свою Председателем правительства столкнувшегося с ужасным явлением тотальной деградации советской провинции.

В период 1949–1953 гг. от бескормицы, непомерных налогов, притеснений родную местность покинуло около 3,3 млн соотечественников, бежавших от лихолетья в поисках лучшей доли. Развернувший реформы Маленков отменил сборы с крестьян, расширил приусадебные угодья, списал долги с колхозов. Люди вздохнули, почувствовали себя людьми, подняли голову, как вдруг одиозным решением Пленума ЦК КПСС (31 января 1955 г.) удаливший из органов центральной власти Маленкова Хрущев затеял досадную контрреформу, резко снизившую перспективы только-только начавшегося поправляться благополучия жителей.

С 2024 г. в России налаживается нужная новая программа развития малых городов – мастер-план подъема территорий предусматривает благоустройство 30 тыс. общественных пространств наряду с мерами укоренения на них специалистов. К уже действующим проектам «Земский доктор», «Земский учитель» запускается проект «Земский работник культуры», оптимизирующий культивацию запущенных мест укореняемыми представителями интеллигенции.

Сверхцель обновленческих мероприятий – упразднение необразованности, бескультурья, низких потолков притязаний – некомпенсируемой «обделенности», «ущербности» провинции включением ее в общегражданскую гражданскую жизнь стимулированием социальной инициативы, общественного вовлечения, участия, упраздняющего «бессобытийное» однообразие бытового жизнетока.

С семантической точки зрения речь идет о переводе пространства во время, стабильности в мобильность, бытийственности в событийность с обеспечением равных человеческих возможностей. Последнее, естественно, обслуживается и информационной революцией с ее экстерриториальной удаленностью (образование, занятость, досуг), дистантным смыслотворчеством.

Поскольку тезаурус культуры формируется, концентрируется в городах, город становится центром, локомотивом культурного прогресса, вместе с которым, в пределах которого прогрессирует человек, знаменуя некую антропогенетическую ступень собственного эволюционного изменения, квалифицируемую как *homo urbanus*.

Суть в том, что город как грандиозный артефакт, всецело, полномасштабно редактируя самопроявления сапиента, создает специфическую внутривидовую модификацию *homo*. Последняя атрибутируется признаковой определенностью

– абиотическая среда обитания – планомерная переработка естественного рельефа – девственных территорий, акваторий (сокращение, ликвидация площадей парков, прудов, природных ландшафтов, рекреационных, заповедных зон);

– социокультурный (неинстинктивные атрибуты общения) сбалансированный, адаптированный к массовой коммуникации этос (ритуал, право, мораль, традиция), купирующий многочисленные врожденные реакции (проявления агрессии в борьбе за лидерство, собственное благополучие и т. д.);

– насыщенность, спрессованность, вариативность экзистенциальных точек-событий, темпа самореализации на грани физических возможностей.

Антропологическая проекция указанных особенностей существования в городе – антиномичность жизнеподдерживающих программ в створе уравновешения онтогенетически задаваемых крайностей «эгоизм-альтруизм».

Стандартная теория эволюции, утрируя роль «конкуренции», «борьбы за существование», «естественного отбора», непомерно гиперболизируя фактор индивидуального эгоизма в соблюдении перспектив индивида, неправомерно недооценивает явления взаимоподдержки, создания условий выживания слабейшего, заботы о потомстве, демонстрации группового альтруизма в соблюдении перспектив вида. На указанное работают многочисленные этологические свидетельства: матрилокальность, попечение беременной самки, защита детенышей, солидарность при нападении конкурентов, врагов.

По авторитетному удостоверению В. Эфроимсона [21], кредитуемые адаптацией альтруистические линии поведения закрепляются генетически – наследуются.

Более адекватный взгляд на эволюционный процесс, следовательно, таков: исходная ячейка эволюции – популяция – отрабатывает разнонаправленные механизмы поддержания жизнеспособности на уровне как индивида, так и вида, вводя поведенческие балансы эгоизма и альтруизма.

Прямой калькой поведенческой ситуации в «натуре» является поведенческая ситуация в «культуре». Применительно к городской среде просматриваются очевидные социобиологические зависимости: интерактивное

многообразие экзистенциальных самозаявлений участников обмена деятельностью упорядочивается мобильной достижительной схемой «оптимальность», «эффективность» с контрарными пунктами «сотрудничество-соперничество», «коллективизм-индивидуализм». Маркируемые ими (пунктами) «чистые» стратегии поведения агентов взаимодействия – сугубая экзотика, раритет (преступление – святость), представляющие нереалистичные «вырожденные» случаи. В действительности наблюдаются комбинации, в зависимости от эмпирических распределений оказывающиеся наиболее успешными линиями поведения.

Дабы не сбиваться на частности, оценим диатетически связанные крайности.

«*Коллективизм*». Наделяя антропологическим смыслом групповую природу человека как существа политического, в нашем контексте уместно говорить о характерных тенденциях текущего времени:

– укоренение мира не героев, но людей, живущих не подвижничеством, проповедничеством, но медленными, «малыми» трудами;

– упрочение универсализирующего отправления жизнетока массового общества;

– произошедшие в прошлом (XX) веке три кардинальные фазовые перехода первого рода, – именно: культурная, сексуальная, популистская революции: первая – «сравнила избранных и толпу»; вторая – «упразднила различия высокого и низкого»; третья – устранила «барьеры между народом и вождем, стаей и предводителем» [16, с. 24].

Нужный нам паушальный итог данных явлений – стандартизация производства, потребления, общения, общая шаблонизация существования на базе специфического «комплекса коммунальности: ввиду вездесущности общества избегать его навязчивого влияния невозможно» [16, с. 24]; размываются границы (и вследствие жестких карантинных, фискальных мер по борьбе с пресловутой пандемией) между *communis – privatus*; социальное наступает на индивидуальное.

«*Индивидуализм*». По обратному третьему закону классической механики «противодействие равно действию» просматривается острейшая ответная реакция: индивид «выходит» из общественного порядка, замыкаясь в самоосуществлении.

Формализации обязательных гражданских, профессиональных контактов противопоставляется «капсулизация» в приватной сфере. Как подмечает Гольдман, современный социум обретает плоть ассоциации монадообразных субстанций [6]. Закон их бытия – становящаяся (и не только протестной) автономия, – в решительном смысле слова «жизнь соло» – персональное затворничество, свидетельствующее о разобщении целей, разочаровании в общественном служении, олицетворяющее переход на антисоциальную платформу радикального нарциссизма с *child free*, заменой живых связей виртуальными в дополненной реальности [15].

Отмеченное и коррелятивное ему позволяет говорить о сущностной антиномичности города [7], в соответственном духе редактирующей природу городского человека. Высказываясь односложно и определенно, городская среда, продукт цивилизации, переносит на человека свои достоинства в виде формирования подвида *homo urbanus*.

Напомним: цивилизация (от «цивильность») в современной доктринальной трактовке означает живневоспроизводственный уклад, технику обмена деятельностью, способ вершения исторического бытия на базе оттачиваемых прогрессом науки, опытом целесообразного созидания жизни эффективных технологий; цивилизация поставляет рукотворно-производительную основу кооперативного антропного существования, страхующего сапиента от стихийных природных влияний [14].

Остов цивилизации – устроительные инициативы, покоряющие природу и возвышающие культуру, к каким относятся индустриальность, письменность, политичность, интересующая нас урбанизированность [14]. Как сверхприродный ресурс (в лице институционально закрепляемых технологий) цивилизация, несомненно, трансформирует облик, внутреннюю статью человека городского. Разумеются прежде всего особенности его месторазвития и самоощущения, производные от характера городской антропосферы.

Рассмотренная как единое синкретичное целое последняя суть единство многообразия порождаемой *homo urbanus* реальности. Отличительными особенностями ее выступают:

– рукотворность: созидая потребные ему формы объективного процесса, перекрывая пределы природы, на основе утилизации плодов цивилизации (знание, технология) человек конструирует удовлетворяющее его витальные запросы ноосферное сущее; натура преобразуется в культуру, география в антропную историю. Применительно к городу указывают на инфраструктуру: «снаружи – улицы, тротуары, крышки люков, мосты, движение машин, особенности улиц, – отмечает Витакер. – А под асфальтом, внутри, система канализации ... нагроможденные друг под другом сооружения: системы циркуляции нечистот, ветви электрических кабелей ... газопровод ... система водоснабжения и пожарные краны, сеть труб отопления»; влияние инфраструктуры огромно, хотя человек ее не замечает [4, с. 91];

– природозатратность: цивильный индустриальный технологический прогресс питается нещадной утилизацией вещества природы: к моменту текущего времени настала самая опасная фаза человеческой истории: мы придумали технологии, уничтожающие планету [23]. Лишь одно показательное свидетельство: за полстолетия минувшего века потреблено 200 млрд тонн кислорода, – масса, равнозначная потреблению его за весь антропогенный период планетарной истории [10, с. 72];

– рационализация: городская цивилизация покоится на двух столпах: индустриальном технологизме (технологии природопереработки) и социальном институционализме (технологии человекообработки), иначе говоря, на «расчетной продуктивности через целепрограммирование результатов по калькуляции средств» [12, с. 34]. Поскольку введение целей, равно как и обусловливание средств, осуществляется контекстуально, утрачивается гуманитарная оправданность человеческой деятельности, приобретающей вид достаточно конъюнктурной активности (строительство жилых кварталов (в том же Саратове) без объектов социальной инфраструктуры).

Формально расчетная продуктивность, очевидно, оборачивается вариантом насилия, предобусловленного исходно ограниченным сектором обзора: «рациональность устанавливается отнесением к логике достижения утилитарного блага без вписания его в контур общеродовых ценностей» [12, с. 35]. Откуда – по большому счету – кричащие диссонансы: выигрыш в малом (застройка) – проигрыш в большом (некомфортность проживания); оттуда же – и «эпохальные кризисы ценностно ... не ориентированного (не санируемого – авт.) рационализирующего разума» [12, с. 35];

– фабрикация: методологически и макросоциологически уместно фиксировать сдвиг с глобального эволюционизма к универсальному конструктивизму [10, с. 155]: как «малый архитектор» (Лейбниц) homo creatus становится породителем «порядка вещей», созидаемой вещности. Совокупный техно-технологический потенциал в виде авангардного прорывного NBΥCS-комплекса – олицетворения современной технонауки – «открывает новую эру вселенского существования ... по проектируемому, калькулируемому, программируемому канону» [10, с. 22].

В соответствии с духом философии Спинозы новый тип «технопозиционного» получения материи, выступая фактором prima, замещая естественный ресурс natura naturans, оказывается искусственным инструментом производства денатуризованного сущего, осмысливаемого в языке фактартов (от «факт+артефакт») [10, с. 24].

Как отмечалось выше, образчик материализации инновационной фактартной онтологии – городская среда как вместилище антропосоциальной деятельной субстанции, включаемой в рацииотехническую организацию.

Список литературы

1. Бродский И. Малое собр. соч. СПб.: Азбука, 2017. 877 с.
2. Бэкон Ф. Новая Атлантида. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. 246 с.
3. Вайль П. Карта родины. М.: КоЛибри, 2007. 445 с.
4. Витакер К. Полуночные размышления семейного терапевта. М.: Независимая фирма «Класс», 1998. 202 с.
5. Гоголь Н.В. Петербургские повести. СПб.: Азбука, 2014. 508 с.
6. Гольдман Л. Сокровенный бог. М.: Логос, 2001. 479 с.
7. Горнова Г.В. Философия города. М.: Инфра-М, 2014. 342 с.

8. Зиммель Г. Конфликт современной культуры. Пг.: Начатки знаний, 1923. 40 с.
9. Ильин В.В. Новый миллениум для России: путь в будущее. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. 223 с.
10. Ильин В.В. Теория познания. Критика инструментального разума. *Speciosa miracula*: тотальный мировейник. М.: Проспект, 2021. 157 с.
11. Ильин В.В. Философия. М.: Проспект, 2019. 479 с.
12. Ильин В.В. Философия кризиса. Человечество на пороге катастрофических перемен. М.: Проспект, 2022. 104 с.
13. Ильин В.В. Философская антропология. М.: КДУ, 2008. 231 с.
14. Ильин В.В., Ахиезер А.С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. 304 с.
15. Ильин В.В., Каклюгина И.А., Родин П.Н. Разлад Европы // Российский гуманитарный журнал. 2024. Т. 13. № 1. С. 3–14.
16. Ильин В.В., Панарин А.С., Бадковский Д.В. Политическая антропология. М.: Изд-во МГУ, 1995. 254 с.
17. Кампанелла Т. Город Солнца. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1934. 180 с.
18. Мор Т. Утопия. М.: Наука, 1978. 416 с.
19. Рамоне И. Геополитика хаоса. М.: ТЕИС, 2001. 128 с.
20. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2004. 795 с.
21. Эфроимсон В.П. Генетика этики и эстетики. СПб.: Аста-пресс, 1995. 279 с.
22. Castells M. *The Information Age: Society and culture*. V. 1. Oxford, 1996. 608 p.
23. Hawking S. This is the most Dangerous time for our Planet // *The Guardian*. 2016. December 1. [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/dec/01/stephen-hawking-dangerous-time-planet-inequality> (дата обращения – 12.04.2024).

ANTHROPOLOGY OF HOMO URBANUS

V.V. Ilyin¹, A.V. Shimko²

¹Moscow State Technical University named after N.E. Bauman, Kaluga

²State University of Education, Mytishchi

The city as a grandiose artifact entirely, by fully editing the sapient's self-manifestations, creates a specific intraspecific modification of homo. The latter is attributed by characteristic certainty:

– abiotic habitat – systematic processing of natural relief – virgin territories, water areas (reduction, elimination of areas of parks, ponds, natural landscapes, recreational, protected areas);

– socio-cultural (non–instinctive attributes of communication) balanced ethos adapted to mass communication (ritual, law, morality, tradition), suppressing numerous innate reactions (manifestations of aggression in the struggle for leadership, one's own well-being, etc.);

- saturation, compression, variability of existential points of events, the pace of self-realization on the verge of physical capabilities.

Anthropological projection of the specified features of existence in the city – the antinomy of life-supporting programs in the alignment of the ontogenetically set extremes of «egoism-altruism».

Keywords: *urban man, anthropic topology, existential self-realization of homo urbanus.*

Об авторах:

ИЛЬИН Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор кафедры общественных наук, ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана», Калужский филиал, г. Калуга. E-mail: vvilin@yandex.ru

ШИМКО Алексей Владимирович – ассистент кафедры конституционного и гражданского права Государственного университета просвещения, г. Мытищи. E-mail: ashimko83@gmail.com

Authors Information:

ILYIN Viktor Vasilievich – PhD, Prof., Head of the Department of Social Sciences of the Moscow State Technical University named after N.E. Bauman (Kaluga branch), Kaluga. E-mail: vvilin@yandex.ru

SHIMKO Alexey Vladimirovich – Assistant of the Department of Constitutional and Civil Law, State University of Education, Mytishchi. E-mail: ashimko83@gmail.com

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.04.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 10.05.2024.